

На правах рукописи

КЛЕМЕНТЬЕВА ТАТЬЯНА ЮРЬЕВНА

**НЕОЛИТ СРЕДНЕТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ:
БАСЕЙН Р. КОНДЫ**

Специальность: 5.6.3. Археология (исторические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Екатеринбург – 2024

Работа выполнена в Центре археологии каменного века Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (ИИиА УрО РАН)

Научный руководитель: доктор исторических наук **Чаиркина Наталья Михайловна**

Официальные оппоненты:

Выборнов Александр Алексеевич, доктор исторических наук, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Самарский государственный социально-педагогический университет», профессор кафедры отечественной истории и археологии (Самара, Россия)

Марочкин Алексей Геннадьевич, кандидат исторических наук, Федеральное государственное бюджетное научное учреждение «Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения Российской академии наук», структурное подразделение Институт экологии человека заведующий лабораторией археологии (Кемерово, Россия)

Ведущая организация: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

Защита состоится 26 марта 2024 г. в 13-00 на заседании диссертационного совета 24.1.030.01 по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук Федерального государственного бюджетного учреждения науки Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) по адресу: 630090, г. Новосибирск, пр. Академика Лаврентьева, 17, конф. зал.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ИАЭТ СО РАН и на официальном сайте института www.archaeology.nsc.ru.

Автореферат разослан _____ 2024 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор исторических наук

С. В. Маркин

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования определяется отсутствием современных обобщающих работ по неолиту среднетаежной зоны Западной Сибири. По материалам кондинских памятников, за более чем 40-летний период выделено пять неолитических типов керамики (сумпаньинский, немнёлский, сатыгинский, боборыкинский, кошкинский) и культурные традиции в гончарстве (сумпаньинская, кошкино-боборыкинская, полуденская, чилимкинская; первая, вторая и третья; кондинская). Проблематика неолитоведения фокусировалась, как правило, на типологии керамических комплексов, хронологии и генезисе культурных образований, ассоциируемых с ними. Мозаичность типов и традиций с неопределенной либо дискуссионной хронологией, а также отсутствие обоснованных характеристик традиций домостроения, камнеобработки и погребального обряда делали проблематичным построение целостного образа эпохи. Проблемная ситуация, сложившаяся к началу 2010-х гг. в неолитоведении среднетаежных районов Западной Сибири, выявила актуальность построения локальных культурно-хронологических схем. Несмотря на имевшиеся предпосылки, решение этой проблемы сдерживалось нерешенностью ряда практических и методических задач. Первоочередными задачами являлось проведение критического анализа и систематизации источников по неолиту р. Конды, введение в научный оборот материалов раскопок 1980-х и 2000-х гг. Методически важным было соблюдение единства в анализе комплексов керамики, каменного инвентаря, остатков сооружений и погребальных памятников. Актуальность и недостаточная разработанность данной проблемы явились основанием для выбора темы исследования.

Объектом исследования являются жилищные, производственные и погребальные комплексы эпохи неолита Кондинского бассейна. Они представлены остатками сооружений (жилищ и могил), артефактами (глиняная посуда, каменные орудия и отходы их производства, изделия из глины и кости, украшения), антропологическим и остеологическим материалом.

Предмет исследования – динамика материальной культуры неолитического населения среднетаежных районов Западной Сибири.

Цель исследования заключается в разработке современной концепции развития культуры неолитического населения р. Конды. Решались следующие задачи: 1) анализ основных концепций развития

неолита Зауралья и севера Западной Сибири; 2) проведение критического анализа источников, их характеристика и систематизация; 3) определение хронологических границ неолитической эпохи; 4) характеристика основных периодов в изменении материальной культуры неолитического населения; 5) определение ее места в системе археологических образований Западной Сибири и Зауралья.

Территориальные рамки. Бассейн р. Конды, левого притока Иртыша, находится в южной части севера Западной Сибири – между 59–61° с. ш. и 63–66° в. д. В административном отношении это Кондинский и Советский районы Тюменской области ХМАО – Югры. По физико-географическому районированию бассейн р. Конды расположен на территории Западно-Сибирской равнины, по ландшафтному – в южной и среднетаежной подзоне озерно-болотных низин [Москвина, Козин, 2001]. Выбор территории исследования обусловлен достаточно хорошей степенью ее изученности разведочными и стационарными археологическими работами.

Хронологические рамки охватывают период с начала VII тыс. до н. э. до конца IV тыс. до н. э. Расширение хронологии исследования за границы неолитической эпохи (последняя треть VII – середина IV тыс. до н. э.) обусловлено сопоставлением основных категорий неолитической культуры с памятниками эпохи мезолита и раннего металла, что позволило выявить качественные изменения, определяющие ее начало и окончание. Для верификации хронологии неолита р. Конды использовано 112 радиоуглеродных дат: 15 – получено из комплексов эпохи мезолита, 88 – неолита, 9 – раннего металла.

Методы исследования. На стадии обработки источника, начиная со сбора данных, их критики, интерпретации, описания и заканчивая построением локальных хронологий, применялись традиционные для археологии методы: пространственный анализ, типология в русле формально-классификационного подхода, технико-технологический анализ керамики и эксперимент в русле историко-культурного подхода, технико-типологический и экспериментально-трассологический анализ каменного инвентаря. Неотъемлемую часть исследования составляют данные естественно-научных методов – радиоуглеродного, катодолюминесцентного, изотопного, остеологического и антропологического анализа. Сравнительно-исторический метод использован для изучения культуры в динамике. Основополагающим при

этом являлся принцип историзма.

Основными классификационными единицами археологического исследования являются *признак, тип и культура*. Для выделения типов необходимы достоверная выборка материала, отбор типобразующих признаков, выбор адекватного метода классификации; для выделения культур – статистически устойчивые комбинации типов, происходящие из замкнутых или полузамкнутых комплексов [Бочкарев, 2016. С. 32–34]. С помощью *пространственного анализа* распространения артефактов и взаиморасположения культурных слоев определялись достоверные выборки – замкнутые и полузамкнутые комплексы. Замкнутыми комплексами в работе считаются *погребения*, положение предметов в которых позволяет судить об их одновременном захоронении. Как полузамкнутые рассматриваются *жилищные комплексы*. Совокупность артефактов в них связана совместным нахождением и обстоятельствами, говорящими об участии этих артефактов в одном и том же процессе жизнедеятельности общества, который привел к их отложению [Классификация в археологии, 2013. С. 54–55]. Выборки из жилищных комплексов и погребений содержат обломки глиняной посуды, изделия из камня, глины и кости, остеологические и антропологические материалы.

Основным маркером культурной динамики, начиная с эпохи неолита, является керамика. В ее изучении использовались *формально-классификационный* и *культурно-исторический* подходы. Единицей учета являлся сосуд. Качественные и количественные признаки заносились в сводные таблицы по жилищным комплексам. Для описания техник и способов орнаментации керамики использована терминология, принятая в неолитоведении Зауралья и Западной Сибири [Калинина, Гаджиева, 1990; Дубовцева, 2013]. На основании таблиц составлялись графики количественного распределения сосудов по орнаментальным признакам, определялись размерные группы сосудов, проводились расчеты отношения диаметра сосудов к толщине их стенок и выявлялись типобразующие признаки. Типологические различия керамических комплексов, зафиксированные в морфологических и орнаментальных признаках, соотнесены с культурными традициями производства посуды [Дубовцева, 2021]. Для этого использовались данные технико-технологического анализа керамики, полученные к. и. н. Е. Н. Дубовцевой по материалам разновременных неолитических поселений р. Конды: Большая Умытья (далее – БУм) 100 и 109, Шоушма 10, Леуши 7 и

Мулымья 3, Сумпанья 2 и 4, Чилимка 5. Особое внимание уделялось рецептуре формовочных масс и способам конструирования сосудов. Рабочие гипотезы об источниках сырья, способах конструирования и орнаментации посуды проверены экспериментально. Для определения функционального назначения и оценки динамики количественных и качественных параметров керамической посуды перспективно определение объемов [Карманов, 2018]. Моделирование внутреннего пространства емкостей и вычисление объемов проводилось в программном продукте AutoCAD на основании двухмерной графической реконструкции археологически целых сосудов, доля которых не превышает 5 % от всех учтенных в работе. Для определения размерных групп посуды использована единая шкала качества объема сосудов [Цетлин, 2015].

Анализ каменного инвентаря выполнен А. А. Погодиным и к. и. н. Е. Ю. Гирей с использованием комплексного технико-типологического и экспериментально-трассологического подхода. Для жилищных комплексов Мулымья 3, БУм-8, 9, 57, 100, 109 и Шоушмы 10 автором составлены сводные таблицы количественного распределения каменного инвентаря по категориям (продукты расщепления / отходы производства / орудия) и сырью.

Традиции домостроения прослежены по 54 постройкам. В работе применена градация сооружений по глубине котлована, разработанная для типологии построек Зауралья и Западной Сибири: до 0,3 м – наземные постройки; от 0,3 до 1,5 м – полуземлянки; более 1,5 м – землянки [Борзунов и др., 1993. С. 7]. При сравнительном анализе построек учитывались форма, размеры и глубина котлована, элементы конструкции (наличие и расположение опорных конструкций и крепи стен, выхода, уступы-плечи) и хозяйственные объекты (очаги, ниши, ямы), использование охры.

Комплексы со сходными типами построек, керамики и каменного инвентаря выделены в *культурные типы памятников* [Косинская, 2001. С. 62]. Повышение статуса мулымьинского, умытшинского, шоушминского, сумпаньинского, ушшинского культурных типов памятников до ранга *археологических культур* [Классификация в археологии, 2013. С. 124, 125] на данном этапе исследования не рассматривалось, так как требуется уточнение границ территорий этих культурных образований, а также их соотношение с культурами сопредельных территорий.

Картографирование культурных типов памятников бассейна р. Конды и их сравнение по всем представленным категориям материальной культуры с синхронными культурными образованиями сопредельных территорий позволяет говорить об общих исторических и культурных явлениях в Западной Сибири на протяжении всего неолита. Для обозначения общности явлений использована концепция *культурно-хронологического горизонта*. Под ним понимается географический регион, в котором на определенном хронологическом этапе распространяются характерные маркеры – археологические артефакты и их комплексы, признаки духовной культуры, в том числе погребального обряда и декоративно-прикладного искусства [Яблонский, 2013. С. 36].

В изучении *погребальных памятников* использована схема структурно-аналитического описания [Ольховский, 1991. С. 181–182; Марочкин, 2014]. Первый уровень описания, представленный погребальным памятником, включает следующие элементы-признаки: геоморфологическая приуроченность, количество погребений, организация пространства (планиграфия погребений, ориентировка относительно местного ориентира). Второй уровень представлен погребением и характеризуется четырьмя элементами-признаками: погребальное сооружение, останки умершего человека, погребальный инвентарь, дополнительная структура. По этой схеме составлена база данных погребальных памятников эпох мезолита – неолита бассейна р. Конды. Анализ антропологического материала могильников БУм-100 и Неушья 2.1 выполнен к. и. н. Д. И. Ражевым и Е. О. Святовой; погребений Мулымья 3 и Мулымья 4 – к. б. н. С. М. Слепченко. Описание погребений БУм-9 и 100, Неушья 2.1, Мулымья 3 и 4 проведено А. А. Погодиным и к. и. н. А. Я. Труфановым.

Для получения сведений о рационе неолитического населения по костям, найденным на поселениях, определены виды промысловых животных. Остеологический материал обработан к. б. н. П. А. Косинцевым. Данные изотопного анализа единичны, получены при исследовании костей человека из погребений БУм-9 [Kuzmin et al., 2017] и нагару с сосуда поселения Мулымья 3.

Положения, выносимые на защиту:

1. Население эпохи мезолита среднетаежной зоны Западной Сибири сформировало хозяйственный уклад охотников и рыболовов, обеспечивавший стабильный продовольственный запас для проживания на

долговременных поселениях. Неолитическая культура в бассейне р. Конды сложилась на местной мезолитической основе, что прослеживается в преемственности хозяйственного уклада, традиций обработки камня, домостроения и погребальной практики.

2. Начало эпохи неолита в бассейне р. Конды маркировано появлением глиняной посуды в последней трети VII тыс. до н. э. В этот период на одной территории проживали группы населения, как освоившие керамическое производство, так и незнакомые с ним. Завершение неолита приходится на середину IV тыс. до н. э.

3. В развитии неолитической культуры выделено три периода – ранний, средний и поздний. Периодизация основана на изменениях традиций керамического производства, камнеобработки и домостроения.

4. Образ жизни неолитического населения бассейна р. Конды являлся неотъемлемой частью культурного пространства лесной зоны Западной Сибири, Зауралья и Восточной Европы. Со второй половины VII тыс. до н. э. распространяются традиции производства глиняной плоскодонной посуды с накольчатым орнаментом: в лесостепной зоне Западной Сибири – барабинская ранненеолитическая культура и боборыкинская культура (памятники оз. Мергенъ), в горно-лесном Зауралье – сатыгинский тип керамики, в бассейне р. Конды – мулымьинский культурный тип памятников. С начала VI тыс. до н. э. в среднетаежной зоне Западной Сибири происходит переход на производство округлодонной посуды с волнисто-прочерченным и шагающе-гребенчатым орнаментом. Полагаем, что смена гончарной традиции не была связана с притоком нового населения. Во-первых, на фоне этих изменений наблюдается преемственность в камнеобработке (сохраняются и развиваются технологии изготовления сланцевых шлифованных орудий) и домостроении (двухкамерные полуземлянки). Во-вторых, прослеживается общая (эпохальная) тенденция на обширной территории лесной зоны Евразии. Еще один эпохальный тренд, воспринятый населением р. Конды, – смена волнисто-прочерченного орнаментального стиля на печатно-гребенчатый во второй половине V тыс. до н. э. Его распространение не отразилось на системе хозяйства и территории расселения, а также на традициях камнеобработки, домостроения и погребальной практики.

Научная новизна работы состоит в разработке культурно-хронологической схемы эпохи неолита Кондинского бассейна, базирующейся на результатах мультидисциплинарных исследований

материалов раскопок 2007–2020 гг. С современных позиций проведена критическая оценка источниковой базы, в научный оборот вводятся материалы раскопок 1980-х и 2000-х гг.

Источниками исследования являются археологические памятники, информация о которых содержится в отчетах полевых работ, коллекциях и публикациях. Отдельную группу информации составляют данные антропологического, остеологического, радиоуглеродного анализа.

По отчетам получены сведения о более чем 300 археологических памятниках бассейна р. Конды, на которых выявлены неолитические материалы. Раскопками изучено 44 из них. Высоким информационным потенциалом обладает только половина раскопанных памятников. На 22 поселениях изучены жилищные, хозяйственные и погребальные комплексы. Остатки 57 углубленных и наземных сооружений выявлены на поселениях Сумпанья 2, 4, 6; Геологическое 7, 16; Леуши 7, 9; Канда; Чёртова Гора; Шоушма 10; БУм-2, 8, 9, 57, 100, 109; Усть-Тетер 1; Мулымья 3 и 4; Чилимка 5. Кратковременные стоянки, производственные площадки, кострища и ямы хозяйственного назначения исследованы на памятниках БУм-8, 100; Лемья 19.1; Геологическое 16 (раскоп III); Убья 3. Погребальные комплексы – на памятниках БУм-2, 8, 9, 100; Неушья 2.1; Мулымья 3 и 4; Чилимка 5. Применение индивидуальной фиксации материала, промывки / просеивания грунта из заполнения объектов при раскопках памятников БУм-8, 9, 57, 100, 109; Шоушма 10; Мулымья 3 и 4; Усть-Тетер 1 позволяло минимизировать потери в сборе артефактов, зафиксировать положение предметов в пространстве. Для этих памятников установлены достоверные выборки артефактов из сооружений и погребений, прослежена стратиграфическая позиция разновременных неолитических комплексов.

Научно-практическая значимость работы. Результаты исследования могут быть использованы при подготовке обобщающих работ по древней истории региона, учебных пособий для средних школ и вузов, музейных выставок.

Апробация. Основные положения работы изложены в 17 научных трудах, шесть из которых опубликованы в изданиях из перечня ВАК. Результаты исследований представлены в докладах на международных, всероссийских и региональных конференциях (Казань, 2014; Тверь, 2015; Аахен, 2017; Белокуриха, 2017; Ханты-Мансийск, 2019; Екатеринбург, 2020; Киль, 2021; Самара, 2022; Душанбе, 2022; Курган, 2022; Тверь, 2023;

Самара, 2023).

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка источников и литературы, текстовых приложений, таблиц и иллюстраций. Первая глава посвящена истории исследования эпохи неолита Зауралья и севера Западной Сибири. Во второй главе характеризуются источники по неолиту р. Конды. В третьей главе приведена культурно-хронологическая схема неолитической эпохи, раскрыто содержание ее периодов, высказано предположение об исторических связях и судьбах неолитического населения р. Конды. В заключении изложены основные выводы исследования. Приложения содержат характеристику проанализированных керамических комплексов, описание памятников с неолитическими холмами, таблицы и иллюстрации.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы исследования, определены объект, предмет, цель и задачи работы, обозначены территориальные и хронологические рамки, охарактеризованы методы исследования. Сформулированы положения, выносимые на защиту, определена научная новизна и источниковая база диссертации.

В первой главе **«История исследования неолита Зауралья и севера Западной Сибири»** прослежено формирование современных концепций развития неолита урало-западносибирского региона. Географическая близость бассейна р. Конды к лесному Зауралю стала объективной причиной того, что на начальном этапе исследования систематизация неолитических древностей р. Конды проводилась по схеме развития зауральского неолита. Со временем стала очевидна, с одной стороны, региональная специфика культурных образований, а с другой – их включенность в общеисторические процессы.

В разделе **1.1. «Историография неолита Зауралья и Западной Сибири»** рассмотрены основные концепции неолитизации региона и подходы к периодизации эпохи. Неолитизация понимается как появление и распространение керамики в среде таежного населения, хозяйственный уклад которого основан на охоте и рыболовстве. Технология керамического производства была принесена мигрантами и распространялась в результате их взаимодействия с местным населением

[Чернецов, 1968; Ковалева, 1989; Зах, 2009], являлась результатом конвергентного развития [Старков, 1980; Молодин и др., 2020] или культурной диффузии [Бадер, 1970; Косинская, 2002; Выборнов и др., 2014; Шорин, Шорина, 2020]. Исходными ареалами распространения гончарной технологии на север, по мнению ряда исследователей, являются регионы Прикаспия и Приаралья [Ковалева, Зырянова, 2009; Зах, 2009; Выборнов и др., 2014], Барабинской лесостепи [Дубовцева, 2021. С. 200]. Предполагаемые «носители» новой технологии – население кошкинской [Ковалева, Зырянова, 2008а] или боборыкинской [Зах, 2009] культур. Происхождение неолитических культур севера Западной Сибири объяснялось как следствие миграций [Васильев, 1987; Глушков, Собольников, 1999; Ивасько, 2002; 2008] или культурной диффузии [Косинская, 1997; 2013; Дубовцева, 2021; Чаиркина, Пиецонка, 2021].

Для периодизации эпохи неолита Зауралья и севера Западной Сибири в разное время предлагались трех- и двухчленные схемы. Выделение периодов базировалось преимущественно на изменениях облика посуды (наличие / отсутствие внутренних наплывов, увеличение в декоре доли гребенчатых орнаментов [Чернецов, 1968; Бадер, 1970; Старков, 1980; Ковалева, 1989; Зах, 2012]) или традиций керамического производства [Дубовцева, Косинская, 2021]. Объективной причиной ограниченного использования или отсутствия характеристик каменного инвентаря для периодизации неолита Среднего Зауралья выступает специфика археологических памятников – их многослойный характер.

В последние десятилетия наблюдается тенденция отхода от линейной схемы развития, предполагается возможность сосуществования в определенный хронологический период нескольких традиций керамического производства [Мосин, 2016. С. 22; Шорин, Шорина, 2020. С. 51; Дубовцева, Косинская, 2021].

Одним из дискуссионных вопросов неолитоведения Зауралья является хронологическая позиция боборыкинских древностей [Зах, 2009; Ковалева, Зырянова, 2010; Еньшин, 2020; Шорин, 2020]. Практически все неолитические комплексы с плоскодонной посудой, исследованные в Зауралье и Западной Сибири в конце XX – начале XXI в., в той или иной мере рассматривались через призму боборыкинской проблематики – Амня 1 [Морозов, Стефанов, 1993], Геологическое 16 [Кокшаров, Зырянова, 2011], Нижнее озеро 3 [Чаиркина, Дубовцева, 2016]; Усть-Вагильский холм [Панина, 2011], Автодром 2/2 [Бобров и др., 2012]. С накоплением

радиоуглеродных дат многие из них были отнесены к раннему неолиту [Piezonka et al., 2020]. Наличие комплексов с поздними датами (Геологическое 16, Автодром 2/2) объясняется длительностью существования традиции изготовления плоскодонной посуды либо несовершенством / погрешностью методов датирования [Дубовцева, 2015а; Бобров, 2020; Молодин и др., 2020; Шорин, 2020].

В разделе **1.2. «История изучения неолитических древностей р. Конды»** прослежено становление современных представлений о культурной принадлежности и хронологической позиции неолитических комплексов региона. Традиционно неолит р. Конды характеризуется мозаичностью керамических типов [Косинская, 2006], возникшей при систематизации неолитических древностей за более чем 40-летнюю историю изучения этого региона. В период 1970–1990 гг. по девяти памятникам – Сумпанья 2, 3, 4, 6, Леуши 7, Геологическое 7, Канда, Чёртова Гора и Чилимка 5 – выделены сумпаньинский, кошкинский, сатыгинский / боборыкинский, немнёлский, чилимкинский типы керамики и сумпаньинская археологическая культура. В диссертационной работе «Неолит бассейна р. Конды» Е. А. Гаджиева объединила памятники по типам керамики в три группы – сумпаньинский, кошкинский и немнёлский, сделала выводы о неоднородности восточноуральской неолитической культуры и самобытности кондинского неолита [Гаджиева, 1993]. Ранний период эпохи характеризовался памятниками сумпаньинской группы. Хронологическая позиция и культурная принадлежность комплексов с плоскодонной посудой, определенной как сатыгинский и / или боборыкинский и кошкинский типы, на долгие годы оставалась предметом полемики [Глушков, Собольников, 1999; Косинская, 2001; Ковалева, 2008; Ковалева, Зырянова, 2008б]. Точка зрения В. Т. Ковалевой и С. Ю. Зыряновой, считающих неправомерным выделение Л. П. Хлобыстиным сатыгинского типа, основывалась на включении бассейна р. Конды в ареал боборыкинской культуры позднего неолита [Ковалева, Зырянова, 2008б]. Ранненеолитический возраст комплексов с плоскодонной посудой боборыкинского типа поселения Чёртова Гора и сатыгинского типа поселений р. Сумпанья предполагался И. Г. Глушковым, Т. Н. Собольниковой [1999] и Л. Л. Косинской [2001]. Но вопрос остался открытым, так как все материалы, которыми оперировали исследователи, были лишены надежного контекста.

Со второй половины первого десятилетия 2000-х гг. по настоящее время получены жилищные (полузамкнутые) и погребальные (замкнутые) комплексы, обеспеченные стратиграфическими наблюдениями и радиоуглеродными датами [Клементьева и др., 2012; Клементьева, Погодин, 2020a]. Это позволило установить относительную и абсолютную хронологию выделенных ранее типов керамики, проследить динамику традиций домостроения, камнеобработки и погребального обряда кондинского населения в неолите. Для преодоления сложности в определении культурной атрибуции новых материалов, возникавшей из-за дефицита информации об эпонимных памятниках (Сумпанья 2 и 4, Леуши 7), в качестве инструмента предварительной систематизации керамических комплексов поселений Шоушма 10, Усть-Тетер 1, БУм-2, 8, 9, 57, 100 и 109 была предложена их группировка по трем декоративно-морфологическим группам посуды [Клементьева и др., 2012]. Типологические отличия этих групп подтверждены технико-технологическим анализом [Дубовцева, Клементьева, 2014]. Жилищные комплексы с посудой первой и второй группы объединены соответственно в шоушминский [Клементьева, Погодин, 2017a] и умытьинский культурные типы памятников [Клементьева, Труфанов, 2019]. Комплексы с посудой третьей группы, ушьинского типа, отнесены нами к позднему периоду неолита [Клементьева, Погодин, 2017b]. Ранее эта керамика рассматривалась в контексте первой стадии энеолита [Кокшаров, 2009. С. 173–178]. По мере анализа источников установлена принадлежность немнёлского и чилимкинских типов керамики к среднему периоду неолита. Исследованиями стратифицированных поселений Мулымья 3 и 4 в 2019 и 2020 гг. обоснован хронологический приоритет комплексов с плоскодонной валиковой посудой, выделенных в мулымьинский культурный тип памятников [Клементьева, Погодин, 2020b]. В изучении неолита таежной зоны Западной Сибири остается актуальным построение локальных культурно-хронологических схем [Косинская, 2006].

Вторая глава «**Источники изучения неолита р. Конды**» посвящена характеристике наиболее важных для построения культурно-хронологической схемы неолита памятников, сделан акцент на хроностратиграфию жилищных и погребальных комплексов.

В верхнем течении р. Конды выявлено более 100 неолитических памятников. Они расположены преимущественно по берегам притоков р. Конды (Эсс, Шоушма, Большая Умытья, Лемья), озер (Арантур, Рангетур)

и их притоков (Еныя, Окунева). На р. Большой Умытье неолитические материалы обнаружены на 58 памятниках. В результате раскопок десяти из них выявлены и изучены могильники и одиночные захоронения (БУм-2, 8, 9, 100); поселки и стоянки (БУм-2, 8, 9, 57, 60, 61, 72, 100, 109, 142). На р. Эсс изучены неолитические поселения Геологическое 7 (жилища 1 и 2) и Геологическое 16. В среднем течении р. Конды по локализации неолитических памятников выделено два «микрорайона». Первый находится в левобережье р. Конды – в междуречье Мулымьи и Большого Тапа известно не менее 50 неолитических памятников, восемь из которых (Мулымья 3, 4 и 6.3, Неушья 2.1, Убья 3, Усть-Тетер 1, Мостовое 5, Толум 1) исследованы раскопками. Второй микрорайон приурочен к Евринско-Леушинской озерной системе. В устьях небольших рек изучены поселения и стоянки Сумпанья 2–4, 6, 7, Леуши 1, 3, 7, 9, 13, 14, Канда, Чёртова Гора. В низовьях р. Конды материалы неолита известны на пяти памятниках, раскопками исследовано поселение Чилимка 5. Картографирование показало концентрацию неолитических памятников в верхнем и среднем течении р. Конды и практически полное их отсутствие в нижнем. Такая диспропорция в распределении объясняется неравномерностью обследования бассейна реки.

Обзор неолитических памятников р. Конды позволил отметить высокую информативность источников для построения региональной культурно-хронологической схемы неолита. На 42 раскопанных памятниках изучено более 25 неолитических поселений, два могильника и 11 погребений. Сделан вывод о многокомпонентности ряда жилищных комплексов среднего неолитического периода (БУм-8 и 9; Леуши 7; Мулымья 3 и 4). Хронологическая позиция поселений и могильников / погребений определена по 86 радиоуглеродным датам из 38 контекстов. По стратиграфии поселений Мулымья 3 и 4 установлен более ранний возраст жилищных комплексов с плоскодонной посудой мулымьинского типа относительно комплексов с округлодонной посудой сумпаньинского, шоушминского и немнёлского.

В третьей главе «**Культура неолитического населения р. Конды**» прослежены традиции домостроения и погребального обряда, производства каменных орудий от позднего мезолита (начало VII тыс. до н. э.) до эпохи раннего металла (конец IV тыс. до н. э.).

В разделе **3.1. «Культурно-хронологическая схема неолита р. Конды»** обозначены критерии периодизации неолита среднетаежной зоны

Западной Сибири и приведена краткая характеристика неолитических периодов.

Под неолитизацией среднетаежной зоны Западной Сибири понимается распространение гончарной технологии в среде местного населения в последней трети VII тыс. до н. э. С этого времени основными маркерами культурной динамики становятся изменения в технологии производства и стилистике орнаментации глиняной посуды. По изменениям традиций производства керамики выделены ранний, средний и поздний периоды неолита. Комплексы со сходным типом посуды объединены в культурные типы памятников: мулымьинский, умытшинский, шоушминский, сумпаньинский, ушьинский.

В *ранний период* (последняя треть VII тыс. до н. э.) появляются памятники мулымьинского культурного типа с плоскодонной посудой. В это время на одной территории проживали как группы населения, использовавшие керамическую посуду, так и еще не воспринявшие эту новацию. В начале *среднего периода* (начало VI тыс. – вторая половина V тыс. до н. э.) распространяются памятники с округлодонной посудой: умытшинского типа с тонкостенными сосудами с волнисто-прочерченным орнаментом, шоушминского типа с толстостенной керамикой с плотным отступающе-накольчатый декором. В результате взаимодействия коллективов с различными традициями производства и декорирования посуды появляется керамика сумпаньинского и немнёлского типов. *Поздний период* (вторая половина V – первая половина IV тыс. до н. э.) характеризуется ушьинским культурным типом памятников. Во второй половине V тыс. до н. э. начинается постепенная смена прочерченно-волнистого орнаментального стиля на печатно-гребенчатый. На одной территории проживают коллективы с посудой умытшинского и ушьинского типов. Они обладают близкими традициями домостроения и камнеобработки. К началу IV тыс. до н. э. умытшинские традиции декорирования посуды угасают, ушьинские продолжают до середины IV тыс. до н. э.

Верхняя хронологическая граница неолита на р. Конде требует уточнения. Первый металл в этом регионе появляется в раннеполымьятских комплексах в начале бронзового века (по региональной периодизации) в последней трети III тыс. до н. э. [Кокшаров, 2012. С. 34; 2015. С. 17, 18]. С середины IV тыс. до н. э. в культуре таежных обществ изменяются традиции изготовления и

орнаментации посуды (еныйский и атымьинский типы); появляются новые категории каменного инвентаря (шлифованные наконечники с жальцами и тонкие листовидные бифасы, каменные подвески каплевидной формы [Погодин, Миронов, 2010]) и керамические грузила [Кокшаров, 2009. С. 196–197]; в изобразительном искусстве распространяются сложные геометрические схемы и появляются антропоморфные образы [Клементьева, Погодин, 2017б].

В разделе 3.2. *«Культура кондинского населения в мезолите»* приведен краткий обзор мезолитической эпохи. Поселения этого времени расположены в нижнем течении малых рек и на озерах. На сезонных стоянках выявлены жилища с котлованами глубиной до 0,3 м (Леуши 14) и наземные (Сатыга 16а, Большая Учинья 23). Наземные постройки овальные и прямоугольные до 15–25 кв. м. Жилища долговременных поселений состояли из одного (Леуши 3 и 9) или двух (Геологическое 3 и 16) котлованов от 0,30–0,75 м глубиной. Площадь однокамерных сооружений около 40 кв. м, двухкамерных – до 80 кв. м. Традициям домостроения присущи обшивка стен деревянной крепью, использование опорных столбовых конструкций, устройство ниш в стенах и хозяйственных ям под полом. Очаги располагались по центру жилищ. Иногда дно котлована посыпалось охрой [Беспрозванный, 1997; Кокшаров, Погодин, 2000; Беспрозванный, Погодин, 2006а].

Для орудий из камня использовалось местное сырье: кремень различного качества, зеленая и сургучная яшма, крупнокристаллические породы (кварц, кварцит, габбро и т. п.). Исходные галечные формы расщеплялось в отжимной (призматической), ударной и контрударной технике. Основным типом заготовки для вкладышевых орудий являлась пластина. При отсутствии качественных пород использовался кварц, который расщепляли контрударным способом. Из галек сделаны долотовидные орудия, абразивы, наковальни, отбойники, рубящие инструменты. Последние обработаны пикетажем и частичной пришлифовкой. Спецификой мезолита р. Конды является отсутствие наконечников стрел на пластинах и почти полное – геометрических микролитов.

В погребальном обряде использовалась ингумация (БУМ-100) и кремация (Сатыга 16а). Захоронения совершались на обособленной территории могильников и на поселениях [Клементьева, Погодин, 2020а]. Применялась охра. Известны вертикальные погребения (БУМ-100).

В разделе 3.3. «*Культура кондинского населения в неолите*» рассмотрена в динамике через призму культурных типов памятников – мулымьинского, умытьинского, шоушминского, сумпаньинского и ушьинского.

Культура населения раннего неолита представлена материалами Мулымьи 3 – большого поселения, состоявшего из однокамерных и двухкамерных жилищ, в которых найдена плоскодонная посуда и каменный инвентарь [Клементьева, Погодин, 2023а]. Комплексы с керамикой, имеющей типологическое сходство с посудой Мулымьи 3, объединены в *мулымьинский культурный тип памятников*. Они составляют 10 % от всех неолитических. Сопоставление количества поселений позднего мезолита и раннего неолита в бассейне р. Конды не показало существенного преобладания последних. Памятники мулымьинского типа и синхронные им позднемезолитические стоянки и поселения расположены в схожих топографических условиях – на берегах малых рек и озер.

Гончарная технология появляется в последней трети VII тыс. до н. э. уже в «готовом» виде. Древнейшая посуда на р. Конде – плоскодонные горшки и банки, украшенные накольчатым и прочерченным орнаментом, а также скульптурным декором – валиками и налепами. Традиции составления формовочных масс основаны на использовании местных запесоченных и / или ожелезненных, реже илистых, глин с примесью некалиброванного шамота и органического раствора. Конструирование сосудов выполнялось на плоскости, но были известны и способы лепки с применением формы-емкости. Поверхность посуды тщательно заглаживалась, нередко окрашивалась охрой.

С внедрением гончарного производства система хозяйства таежных сообществ не изменилась. Охота и рыболовство оставались основой хозяйства на протяжении всего неолита. Объектами промысла были лось, северный олень, волк, лисица, соболь, заяц, белка, бобр, выдра, птица. Среди костей рыб определена щука. Останки собак свидетельствуют о содержании этих животных как домашних.

В индустрии камня раннего неолита сохраняются мезолитические традиции: контрударное плоскостное расщепление неизотропного сырья и объемное расщепление качественных пород – кремня, яшмы, горного хрусталя – на пластины. Вместе с тем, на памятниках мулымьинского типа появляются и новые виды изделий: крупные пластины с краевым

ретушированием, использовавшиеся для скобления / строгания, и наконечники стрел на пластинах, в том числе черешковые. В раннем неолите развивается шлифование и пиление камня, появляются шлифованные тесла с огранкой.

Население обитало в наземных жилищах площадью 8–12 кв. м, в одно- и двухкамерных полужемлянках площадью 30–50 и 50–80 кв. м. Выход из этих сооружений имел вид коридорообразного тамбура. Опорные конструкции перекрытия располагались по углам и вдоль стен. По центру котлованов находились очаги, вблизи стен – хозяйственные ямы.

Погребальные памятники раннего неолита не идентифицированы. Погребения VII тыс. до н. э., например, захоронение черепа на поселении Леуши 9, рассматриваются как мезолитические [Клементьева, Погодин, 2020а].

Распространение в VII тыс. до н. э. комплексов с плоскодонной посудой в лесостепной и таежной зонах Западной Сибири (от Среднего Прииртышья и Нижнего Приишимья до Среднеобской и Кондинской низменностей) и Северного Зауралья понимается как явление общеисторического и стадияльного характера [Молодин и др., 2020]. Ближайшие центры древнейшего гончарства известны в Среднем Прииртышье [Молодин и др., 2020] и Северном Прикаспии [Васильева, Выборнов, 2016]. Однако свидетельств о появлении керамики в таежной зоне Западной Сибири в результате миграционных процессов из одного из них центров у нас нет. По облику керамики, вероятно, прослеживается юго-восточный вектор культурных связей кондинского населения в конце VII тыс. до н. э. Вместе с тем, маркером западных связей в этот период являются типичные для мезолита и раннего неолита лесной зоны европейской части Евразии двухкамерные землянки и черешковые наконечники стрел на пластинах.

В *среднем периоде неолита* – с начала VI тыс. до н. э. в материальной культуре происходят изменения. Количество поселений увеличивается, их доля достигает 75 % от всех известных неолитических памятников бассейна р. Конды. Топография поселений не отличается от мезолитических и ранне-неолитических. В верховьях р. Конды появляются укрепленные поселки.

Многообразие керамики – умытшинский, сумпаньинский, чилимкинский, шоушминский, немнёлский типы – в VI тыс. до н. э.

обусловлено как внутренним развитием культуры, так и внешними факторами. К сожалению, знаний, позволяющих аргументированно охарактеризовать генезис этих керамических типов, недостаточно. Можно лишь наметить возможные варианты. Плоскодонная посуда немнёлского типа, вероятно, является результатом поступательного развития местных ранненеолитических традиций гончарного производства. Округлодонная посуда умытынского типа появляется в результате трансформации этих традиций под влиянием эпохального тренда изготовления округлодонных сосудов. Взаимодействие кондинского и зауральского населения привело к появлению памятников шоушминского типа, а в дальнейшем, при контактах населения с «умытынскими» и «шоушминскими» гончарными традициями сформировались «смешанные» комплексы сумпаньинского типа. В ряде жилищ VI тыс. до н. э. типологически разнородные керамические комплексы умытынского и шоушминского типов (Шоушма 10 и БУм-8), сумпаньинского, шоушминского и немнёлского типов (Леуши 7, Мулымья 3 и 4) встречены вместе. Жилищные комплексы V тыс. до н. э. в культурном отношении однородны, содержат только посуду умытынского типа (БУм-57, 100, 109.1 и 109.2).

В VI тыс. до н. э. наряду с двухкамерными полуземлянками (Шоушма 10, Усть-Тетер 1) строят бóльшие по площади однокамерные землянки с углубленной центральной частью (БУм-8, 9 и 57). Кровля строений опиралась на столбы, установленные вдоль стен и по центру котлованов, стены удерживалось деревянной крепью. Жилища отапливались наземными очагами, расположенными по центру котлована или у стен, рядом с нишами. Коридорообразный выход из землянки оборудован в одной из стен котлована (Шоушма 10, БУм-8). Повсеместно распространяется посыпка жилого пространства охрой.

На памятниках *умытынского типа* начала VI тыс. до н. э. до конца V тыс. до н. э. исследованы укрепленные жилища (БУм-9 и 57), огороженные хозяйственные площадки (БУм-109) и производственный комплекс по обжигу посуды (БУм-100). Поселки состоят из одного или нескольких сооружений (БУм-100). Посуда умытынского типа округлодонная, тонкостенная, по краю украшена пояском ямок / отверстий, по тулову – горизонтальными узорами из прочерченных волнистых линий и шагающе-гребенчатых оттисков. Памятники с такой посудой на территории бассейнов Северной Сосьвы и Конды, а также в Сургутском Приобье – рассматриваются в рамках быстринско-

умытйинского культурно-хронологического горизонта [Дубовцева, Клементьева, 2022]. В генезисе традиций умытйинского гончарства не исключена преемственность ранненеолитических традиций. Она проявляется в технологии использования примеси шамота и в орнаментации – декорировании края налечами и пояском ямок, прочерченными узорами в виде ромбической сетки и треугольных фигур. Изменение плоскодонной формы посуды на округлодонную происходит, вероятно, в соответствии с эпохальным трендом начала VI тыс. до н. э.

Индустрия камня среднего неолита кварцево-сланцевая. В VI–V тыс. до н. э. отмечается расцвет абразивной обработки. Триада шлифованных сланцевых орудий – наконечники стрел иволостной формы, ножи с треугольным клинком и тесла трапецевидной формы – один из маркеров быстринско-умытйинского культурно-хронологического горизонта. Генезис этого технокомплекса, как оптимального варианта адаптации к сырьевой базе, прослеживается с раннего неолита [Дубовцева и др., 2019; Клементьева, Погодин, 2023а].

Погребальный обряд основан на ингумации и кремации останков на стороне с последующим их помещением в грунтовые могилы. Захоронения выполнялись на территории поселений (погребение 3 БУм-9, яма 10 БУм-8) или крупных могильников с рядной организацией (БУм-100). Тела, вероятно, пеленались, укладывались в могилы в позе вытянуто на спине, головой преимущественно на СЗ. Охрой засыпалось все тело умершего, более интенсивно – голова. Немногочисленный погребальный инвентарь представлен каменными теслами, стамеской, наконечником стрелы и др., бусами из смолы, изделием из черепа человека, керамикой шоушминского типа. В обряде захоронения орудия подновлялись, посуда намеренно ломалась.

В раннем и среднем неолите функционируют «*культовые холмы*» – искусственные насыпные сооружения, зачастую окруженные рвом. В бассейне р. Конды как холмы определяются не менее восьми памятников: холм в низовьях р. Большой Умытйи, БУм-46, Вишья 9, Супра 4, Чёртова Гора, Мулымьинское 9, Канда, Сотник 3. Раскопана только Чёртова Гора [Сладкова, 2008]. На территории Среднего и Северного Зауралья известны Кокшаровский [Шорин, 2010], Усть-Вагильский [Панина, 2008], Махтыльский [Старков, 1969] холмы.

На Чёртовой Горе изучены землянка, не использовавшаяся для проживания (объект 1), и культовая площадка (объекты II–V) [Сладкова,

2008]. В объекте V культовой площадки найдены захоронения в берестяных коробках. В нижнем заполнении объекта 1 залежали плоскодонные сосуды с гребенчатым и прочерченным орнаментом, а в верхнем и на культовой площадке – посуда кошкинского типа [Сладкова, 2008]. Радиоуглеродные даты по углю с культовой площадки указывают на вторую половину VI тыс. до н. э. В культурном слое холма Супра 4 найдены фрагменты посуды мулымьинского, шоушминского и немнёлского типов [Цеменков, 2018]. Радиоуглеродные даты позволяют предположить время функционирования холма в первой половине VI тыс. до н. э.

В интерпретации холмов многие исследователи склоняются к их культовому назначению [Шорин, 2010; Панина, 2008; 2011a; 2014; Сладкова, 2006; 2008; Чаиркина, Пиецонка, 2021]. Признаками ритуальных действий являются слоистая структура культурного слоя как результат многократной подсыпки грунта; наличие белой глины и охры; следы интенсивного воздействия огня; погребальные или жертвенные комплексы; отличный от поселенческих комплексов набор предметов, включающий сосуды с зооморфными налечами, «утюжки», каменные и глиняные поделки и др. В основании немногих раскопанных холмов находились углубленные постройки или ритуальные комплексы. Сакральное пространство Кокшаровского холма ограничено двумя рвами [Шорин, Шорина, 2011. С. 71]. Ранние культовые объекты с посудой кошкинского типа на нем датированы третьей – последней четвертью VII тыс. до н. э. Одновременно с кошкинской или чуть позже, не позднее начала VI тыс. до н. э., формируется козловская (кокшаровско-юринская) традиция [Шорин, Шорина, 2019. С. 262–264].

Поздний период неолита в бассейне р. Конды представлен *памятниками ушьинского типа*. Их количество составляет 15 % от всех неолитических. Памятники известны по всему бассейну реки, но преобладают в ее верховьях. Раскопано 10 памятников – поселки (БУМ-8 и 100, Геологическое 7, Усть-Тетер 1) и погребения (могила 7 БУМ-100, погребение 1 БУМ-9).

Поселки этого периода состояли как из одиночных построек (Геологическое 7, Усть-Тетер 1), так и из групп до семи сооружений (БУМ-100). Наземные жилища площадью до 40 кв. м. Полуземлянки каркасно-столбовой конструкции с прямоугольным котлованом, площадью от 6,7 до 64,0 кв. м. Опорные столбы устанавливались по углам и вдоль стен.

Зафиксировано оформление уступа-плечика (сооружение 33 БУм-100). Наземный очаг располагался по центру. Рядом с ним иногда обустроивались приочажные ямы. Выходы коридорообразные (Геологическое 7). Рядом с котлованами располагались хозяйственные ямы. Жилое пространство обильно посыпано охрой.

На поселениях найдена глиняная посуда, каменные орудия, поделки из кости и глины, кости животных.

Посуда ушьянского типа изготовлена из запесоченной ожелезненной глины, в том числе и илистой. Сырье, вероятно, находили вблизи поселений [Дубовцева, Клементьева, 2014]. Примесью являлся мелкотолченый шамот, охристая крошка, лимонит и органический раствор. Сосуды лепились на формах-основах ленточным способом, излишки глины по краю срезались. Свойственно выбивание стенок и заглаживание поверхности мягким материалом. Сосуды округлодонные, преимущественно прямостенные, иногда с небольшим прогибом стенок в приустьеовой части. Орнаменты выполнены гребенчатыми штампами из кости, камня и керамики, а также костями животных: фалангами пальцев лисицы, росوماхи, собаки, рыси и волка [Клементьева, Погодин, 2017б]. Каменные штампы изготовлены из обломков шлифованных орудий и абразивов, плиток сланца и лимонита, керамические – из обломков поселенческой посуды. Многие инструменты имели два рабочих края с нарезкой зубцов в один или два ряда. В технике нанесения узоров преобладает штампование. Шагание, прочерчивание и отступление использовалось эпизодично.

Каменный инвентарь поселения БУм-100 демонстрирует преемственность умытйинской традиции изготовления сланцевых шлифованных орудий: наконечников стрел иволистной формы, ножей с треугольным и прямоугольным клинком, тесел. На этом поселении найдены абразивные инструменты: пилы и пилы-абразивы, оселки, бруски, плиты. Расщепление кварца и кремня контрударное. Острия и скребки изготовлены из отщепов (72 %) и пластин (36 %). Новыми типами орудий являются наконечники стрел кельтеминарского типа [Чемякин и др., 2015] и гребенчатые штампы [Клементьева, Погодин, 2017в]. Из кости выполнены каплевидные подвески, бисер, игловидные орудия и гарпуны.

Традиции погребальной практики сохраняются. Захоронения расположены на поселениях (могила 7 БУм-100) или вблизи от них (погребение 1 БУм-9), обособленные могильники не выявлены.

Новации позднего неолита не связаны с массовым притоком населения из южных регионов, их следует рассматривать как эпохальное явление, охватившее территорию среднетаежной зоны Западной Сибири (бассейны рек Конды, Согом), Среднего Зауралья (шувакишская АК) [Чаиркина, 2005] и Тюменского Притоболья (шапкульская АК) [Старков, 1980; Зах, 2009].

В разделе **3.4. «Погребальный обряд неолитического населения р. Конды»**, проанализированы материалы 14 погребальных памятников, на которых изучено 147 захоронений, сделаны выводы о консервативности основных традиций обряда от мезолита до эпохи раннего металла и общности погребальных традиций населения среднетаежной зоны Западной Сибири и европейской части Евразии.

На могильниках эпохи камня в бассейне р. Конды изучены «пустые» захоронения. Физико-химические свойства таежной почвы не способствуют длительному сохранению останков погребенных и изделий из органики. В идентификации захоронений следует учитывать положение могильных ям в культурном ландшафте (планировка могильника), стандарт их формы и размеров, наличие охры (реже угля). Такая система распознавания мезо-неолитических погребений без останков и вещей применяется в Северной Европе [Ahola, 2015].

В неолите практиковалась ингумация и кремация с последующим захоронением сожженных костей. Могильники имеют рядную организацию. Размеры и пропорции ям, по-видимому, приближены к параметрам тела. Признаками наличия в могилах деревянных конструкций являются канавки вдоль стен и уголь в заполнении. Наличие ярусных захоронений указывает на возведение в могиле разделяющих перекрытий. Ориентировка ям по сторонам света вариативна, с преобладанием СЗ–ЮВ. Возможно, что перед помещением в могилу тела усопших пеленали. Тело лежало в выпрямленной позе с вытянутыми вдоль туловища руками. Видимо, на этапе пеленания или до него оно обильно посыпалось охрой. Превалируют одиночные погребения с горизонтальным положением тела. Кремированные останки также захоранивали в могилах с охрой. Их помещали компактно по центру ям. По глубине и размеру эти могилы близки ямам с труположением. Одиночные захоронения выполнены на заброшенных поселениях рядом с жилищами (погребение 3 БУм-9, могила 7 БУм-100).

Погребальный инвентарь разнообразен по составу. Умерших сопровождали каменные изделия – орудия для обработки дерева (тесла, стамеска, струг) и охоты (наконечник стрелы) и заготовки (пренуклеус), индивидуальные украшения из камня, смолы и кости, фрагменты посуды, погребальная пища. Вещи подготавливались для захоронения: подновлены лезвия каменных тесел, подретушированы грани наконечника, сломана глиняная посуда. Имело место особое отношение к черепам умерших. В одном случае из черепа изготовлен диск с просверленными отверстиями (могила 12 БУм-100), в другом – чашевидный предмет (могила 7 БУм-100).

Хронологические различия погребальных памятников мезолита (Сатыга 16а, Леуши 9; погребения 18, 33 и 35 БУм-100), неолита (БУм-9, 100 и др.) и раннего металла (Лева 8, Леуши 14, погребение 2 БУм-9, Кама 2) прослеживаются по погребальному инвентарю. Так, мезолитические кремации Сатыги 16а [Беспрозванный, Погодин, 1998] отличаются от неолитических кремаций БУм-100 наличием вкладышевых орудий, а энеолитическое погребение Леуши 14 [Беспрозванный, Старостина, 1986] от неолитических могил БУм-100 – только наличием шлифованного наконечника стрелы с шипами и фрагментом керамики с печатно-гребенчатым орнаментом.

При сравнении погребальных комплексов бассейна р. Конды с синхронными памятниками сопредельных и отдаленных территорий выявлена как их региональная специфика, так и эпохальные признаки. В погребальном обряде мезо-неолитического населения р. Конды присутствуют практически все признаки (за исключением, в силу географических условий, захоронений в гротах и пещерах) доандроновского погребального обряда [Шорин, 1991. С. 76]. Отмечены отличия погребальных памятников р. Конды и курганных могильников Среднего Прииртышья. Для последних характерны парциальность захоронений; групповые захоронения по обряду ингумации в котлованах, огражденных разомкнутыми рвами и перекрытых невысокими земляными насыпями; наличие в составе погребального инвентаря миниатюрных глиняных сосудов [Полосьмак и др., 1989; Бобров и др., 2015; Молодин и др., 2016; Бобров и др., 2020. С. 124]. Черты сходства погребальной практики мезо-неолитических обществ таежной зоны севера Западной Сибири и Верхнего Поволжья [Костылёва, Уткин, 2010], Карелии [Гурина, 1956; Филатова, 2002; Ошибкина, 2007; Manermaa et al., 2022],

Прибалтики [Zagorska, 2016], Финляндии, Швеции, Германии, Дании [Герман, 2002; Ahola, 2015; Добровольская, 2010; Grünberg, 2016; Eriksen, Andersen, 2016], проявляющиеся в рядной планировке могильников, использовании охры, ингумации и пеленании тел, обусловлены, вероятно, близкими идеологическими представлениями населения северной Евразии [Молодин, 2001. С. 24].

Материалы мезо-неолитических погребальных памятников р. Конды не подтверждают гипотезу о ландшафтно-территориальной локализации в неолите и ранней бронзе Западной Сибири двух погребальных практик обращения с останками умерших, согласно которой для лесной зоны была характерна кремация останков на стороне, а в лесостепной – ингумация вытянуто на спине [Марочкин, 2019]. Полагаем, что погребальная кремация в конце каменного века не является региональным культурным маркером. В среднетаежной зоне Западной Сибири обе традиции существовали с эпохи мезолита до раннего металла.

В заключении подведены итоги работы, сведены сделанные выводы, соответствующие защищаемым положениям.

Основное содержание диссертационной работы отражено в 17 опубликованных работах общим объемом 19,43 п. л., авторский вклад – 6,66 п. л.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК)

1. Дубовцева Е. Н., Клементьева Т. Ю. Поселение Чилимка V и его место в неолите таежной зоны Западной Сибири // Уральский исторический вестник. – 2022. – № 2 (75). – С. 139–148 (1,13 / 0,56 п. л.).

2. Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Погребальная практика населения бассейна Конды в мезолите и неолите // Самарский научный вестник. – 2020. – Т. 9, № 1 (30). – С. 131–141 (1,25 / 0,63 п. л.).

3. Клементьева Т. Ю., Труфанов А. Я. Культурно-хронологические комплексы эпохи неолита на поселении Большая Умытья 109 // Вестник Пермского университета. История. – 2019. – Вып. 1 (44). – С. 20–33 (1,63 / 0,81 п. л.).

4. Клементьева Т. Ю., Погодин А. А. Стратификация керамических комплексов неолита реки Конды // Вестник НГУ. Серия: История,

филология. – 2020. – Т. 19, № 7: Археология и этнография. – С. 216–228 (1,5 / 0,75 п. л.).

5. **Клементьева Т. Ю.**, Погодин А. А., Дубовцева Е. Н. Поселение раннего неолита Шоушма 10 в верховьях реки Конды // Поволжская археология. – 2020. № 3 (33). – С. 84–99 (0,9 / 0,3 п. л.)

6. **Клементьева Т. Ю.**, Погодин А. А. Мулымьинский культурный тип памятников раннего неолита р. Конды: типология, хронология, стратиграфия // Уральский исторический вестник. – 2023. – № 3 (80). – С. 105–118 (1,63 / 0,81 п. л.).

Публикации в научных журналах и сборниках научных трудов

7. **Клементьева Т. Ю.**, Круземент С. А., Погодин А. А. Поселения эпохи неолита на севере Западной Сибири (бассейн р. Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // Первобытные древности Евразии: к 60-летию А. Н. Сорокина. – М.: ИА РАН, – 2012. – С. 499–526 (3,38 / 1,13 п. л.)

8. **Клементьева Т. Ю.**, Погодин А. А. Сюжетный рисунок на энеолитическом сосуде с верховьев реки Конды // Археология и история Северо-Западной Сибири. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Урал. рабочий, 2017. – С. 50–58 (1 / 0,5 п. л.).

9. **Клементьева Т. Ю.**, Погодин А. А. Технология орнаментации посуды позднего неолита поселения Большая Умытья 100 // Археология и история Северо-Западной Сибири. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Урал. рабочий, 2017. – С. 20–49 (2,5 / 1,25 п. л.).

10. Погодин А. А., **Клементьева Т. Ю.**, Надоева Н. Р., Стещенко В. А. Спасательные работы на поселении Мулымья 3 // Археологические открытия. 2019 год. – М.: ИА РАН, 2021. – С. 378–380 (0,12 / 0,03 п. л.).

11. Чемякин Ю. П., Погодин А. А., **Клементьева Т. Ю.** Кельтеминарские наконечники стрел на Урале и в Зауралье // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований: Сб. ст., посвящ. 70-летию проф. Ю. Ф. Кирюшина. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. – С. 188–194 (0,75 / 0,25 п. л.).

Главы в коллективной монографии

12. **Клементьева Т. Ю.**, Погодин А. А. Стоянка эпохи неолита // Поселение Лемья 19.1 в верховьях Конды: от неолита до средневековья. – Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. – С. 14–21 (0,88 / 0,44 п. л.).

13. **Клементьева Т. Ю.**, Погодин А. А. Стоянка эпохи энеолита // Поселение Лембя 19.1 в верховьях Конды: от неолита до средневековья. – Екатеринбург: Альфа-Принт, 2019. – С. 22–35 (1,63 / 0,81 п. л.).

Материалы конференций и тезисы докладов

14. Дубовцева Е.Н., **Клементьева Т. Ю.** Традиции керамического производства неолитического населения бассейна Конды // Труды IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Т. I. – Казань: Отечество, 2014. – С. 247–251 (0,5 / 0,25 п. л.).

15. **Клементьева Т. Ю.**, Антропоморфные изображения на энеолитическом сосуде с верховьев р. Конды // IV Северный археологический конгресс: материалы. 19–23 октября, г. Ханты-Мансийск. – Екатеринбург, 2015. – С. 77–79 (0,25 п. л.).

16. **Клементьева Т. Ю.**, Погодин А. А. Ранний неолит бассейна р. Конды // V (XXI) Всерос. археол. съезд: Сб. науч. тр. – Барнаул: Алт. ун-т, 2017. – URL: <http://elibrary.asu.ru/handle/asu/3896> (дата обращения: 10.11.2022).

17. **Клементьева Т. Ю.**, Погодин А. А. Скульптурный декор на посуде раннего неолита Кондинского бассейна // Искусство и погребальный обряд позднего каменного века: Материалы симпозиума (Самара 24–26 апреля 2023 г.). – Самара–СПб.: ИИМК РАН, 2023. – С. 117–120 (0,38 / 0,19 п. л.).

Подписано в печать 10.01.2024. Формат 60x84 1/16

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 1,6

Тираж 150 экз. Заказ № 1

Отпечатано в типографии ИПЦ УрФУ ЦСД

620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4

Тел.: +7 (343) 358-93-06

E-mail: press-urfu@mail.ru

print.urfu.ru

